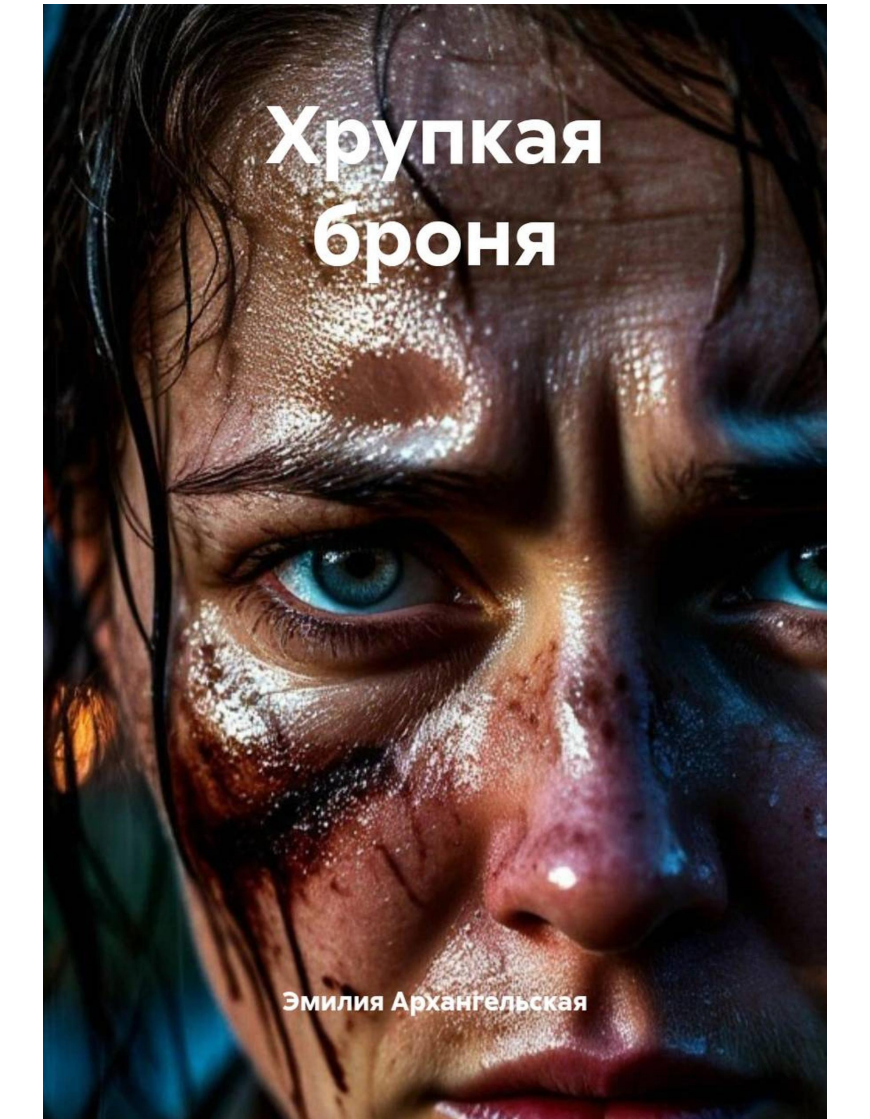

A close-up portrait of a woman's face, heavily covered in intricate, glowing face paint. The paint is a mix of white, gold, and dark brown, with some areas appearing like dried blood or mud. Her eyes are a striking, glowing blue. Her hair is dark and wet, framing her face. The lighting is dramatic, with strong highlights and deep shadows, giving the image a cinematic, war-torn feel.

Хрупкая броня

Эмилия Архангельская

Эмилия Архангельская

Хрупкая броня

<https://litres.ru/74296017>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — офицер ФСИН со сломанным позвоночником и четырьмя детьми. Он — человек, знающий слишком много. Их случайная встреча превращается в смертельную ловушку: дом Анны штурмуют спецслужбы, а её саму обвиняют в пособничестве «преступнику».

У Анны нет выбора: сдать любимого и сохранить карьеру или бежать, рискуя жизнью всей семьи. Начинается безумная гонка сквозь ночной город, ледяные реки и подземелья. За ними охотятся вертолеты и профессиональные убийцы, а у неё на руках — только четверо детей и боль, не позволяющая сделать лишний шаг.

Но хрупкость тела скрывает стальную волю. Когда закон работает против невиновных, единственным оружием становится правда. Сможет ли Анна добраться до эфира и рассказать миру о коррупции, пока их не уничтожили? История о том, как материнская любовь становится несокрушимой броней против самой системы.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Хрупкая броня

Глава

Глава 1. Тихое начало

Дождь стучал по стеклу кафе, размывая огни вечернего города в длинные, дрожащие полосы. Внутри было тепло и пахло свежей выпечкой, но Анна этого почти не замечала. Её взгляд был прикован к фигуре у стойки — высокий мужчина в тёмном пальто, который терпеливо ждал свой заказ, слегка покачиваясь в такт тихой джазовой мелодии.

Она не планировала ни с кем знакомиться сегодня. Последние месяцы её жизнь состояла из боли, корсета и бесконечных попыток просто сделать шаг без страха. Но судьба, казалось, решила подшутить, отправив её именно сюда, именно в этот момент.

Мужчина обернулся. Их взгляды встретились. В его глазах не было той

привычной жалости, которую она видела у всех вокруг последние недели. Там было что-то другое — спокойствие, внимательность и искра живого интереса. Он заметил её трость, опирающуюся о край столика, но его лицо не исказила гримаса сочувствия. Вместо этого он мягко улыбнулся.

— Кажется, этот столик свободен? — спросил он, подходя ближе. Голос у него был низкий, бархатистый, от которого внутри становилось как-то уютно.

Анна кивнула, чувствуя, как щёки предательски горят.

— Да, пожалуйста.

Он сел напротив, поставив два стакана кофе на стол. Один он подвинул ей.

— Я заметил, что вы смотрите на дождь так, будто он рассказывает вам какую-то тайну. Решил, что мне тоже стоит послушать.

Так начался их разговор. Сначала осторожный, о погоде и странностях этого района. Потом — глубже. Он говорил о книгах, которые читал в детстве, о том, как мечтал путешествовать, но пока застрял в рутине большого офиса. Она, удивляясь самой себе, рассказывала ему не о своей травме, а о своих детях, о собаках, которые встречают её дома радостным лаем, о том, как раньше любила танцевать.

Время потеряло счёт. Часы на стене показывали уже поздний вечер, когда они поняли, что кафе закрывается. Они вышли под дождь, и он, не спрашивая разрешения, аккуратно предложил руку.

— Позвольте помочь, — сказал он просто.

Идти было непросто, но его поддержка была ненавязчивой, сильной и надёжной. В этот

момент Анна почувствовала то, чего не испытывала очень давно: ощущение безопасности. Не физической только, а какой-то глубокой, душевной.

Когда они остановились у её подъезда, город затих. Дождь стал моросью, окутывая их мягким туманом.

— Спасибо за вечер, — прошептала она, глядя ему в глаза.

— Это я благодарю вас, — ответил он. — Я думал, что сегодня будет обычный день. А оказалось... самое важное началось.

Он не стал целовать её сразу. Просто бережно коснулся её руки, задержавшись на мгновение дольше, чем требовала вежливость. В этом жесте было столько обещания, столько невысказанных слов, что у Анны перехватило дыхание.

— Увидимся завтра? — спросил он, и в его голосе звучала надежда.

— Обязательно, — ответила она, и это было правдой.

Он ушёл, растворившись в ночной тени, но оставил после себя тепло, которое согревало её даже сквозь боль в спине. Анна поднялась к себе домой, и впервые за долгое время мысль о завтрашнем дне не пугала её, а наполняла светлым ожиданием.

Они ещё не знали, что их идиллия продлится недолго. Что уже через несколько дней их мир перевернётся, а эта тихая романтическая история станет лишь воспоминанием, с которого начнётся совсем другая жизнь — полная опасности, тайн и борьбы. Но сейчас, в эту ночь, существовали только они двое и чувство, которое медленно, но верно перерастало во что-то

большее.

Любовь пришла тихо, как тот самый дождь, но она уже пустила корни. И никто из них не подозревал, насколько хрупким окажется этот новый мир.

Глава 2. Тень в зеркале

Утро ворвалось в комнату не светом, а ледяным дуновением страха. Звонок телефона разрезал тишину так резко, что Анна инстинктивно сжалась, и старая боль в одиннадцатом позвонке вспыхнула жгучим огнём, заставив её задохнуться. Она схватилась за поясницу, чувствуя, как корсет давит на ещё не зажившие ткани, но телефон продолжал звонить, настойчиво, безжалостно.

На экране горело имя: «Марк».

Вчерашнее тепло, тот самый момент у подъезда, когда его рука казалась единственной опорой во всём мире, вдруг показался далёким сном. Рука Анны дрожала, когда она поднесла трубку к уху.

— Доброе утро... — голос её сорвался, звучал хрипло и неуверенно. — Я уже думала, ты передумаешь...

Но в ответ не было той мягкой улыбки, которую можно услышать даже сквозь провода. Была только тяжёлая, прерывистая тишина, наполненная каким-то фоновым шумом — возможно, ветром, а может, чьим-то дыханием.

— Анна, — выдохнул Марк. Его голос дрожал. Не от холода, а от дикого, животного ужаса. — Слушай меня внимательно. Не выходи из

дома. Ни шагу. Запрись на все замки. Жди меня.

Сердце Анны ёкнуло и где-то внутри оборвалось.

— Марк? Что происходит? Ты пугаешь меня... У тебя что-то случилось?

— Нет времени! — почти прокричал он, и в этом крике была такая отчаянная мольба, что у неё по коже побежали мурашки. — Просто сделай, как я говорю. Если кто-то постучит — не открывай. Даже если скажут, что это полиция. Даже если будут угрожать. Поняла меня? Анна, пожалуйста, поняла!

Гудки. Он сбросил.

Анна осталась сидеть на краю кровати, сжимая телефон так сильно, что ногти впились в ладонь до боли. Воздух в комнате стал густым, липким, будто пропитанным

невидимым дымом. Вчерашняя безопасность растворилась мгновенно, оставив после себя ощущение голой, незащитной уязвимости. Она посмотрела на свои руки — они тряслись. На ноги, которые с трудом держали тело после травмы. На корсет, который теперь казался не помощником, а клеткой.

«Они знают, где ты живёшь».

Эта мысль пронзила сознание, когда её взгляд упал на сумку у двери. Вчера она поставила её туда, уставшая, но счастливая. Сейчас рядом с ней лежал чёрный конверт. Чужой. Холодный предмет, который не должен был там находиться.

Анна медленно, преодолевая прострелы боли в спине, поднялась. Каждый шаг отдавался глухим эхом в позвоночнике. Она подошла к сумке, чувствуя, как колени

подгибаются от страха. Конверт был тяжёлым. Внутри не было письма, только одна фраза, написанная крупными, нервными буквами, словно человек спешил или боялся: «*Ты следующая*».

Мир сузился до размеров этой маленькой бумажки. Дети. Собаки. Где они? Они же спят в другой комнате. А вдруг эти люди уже там?

Звонок в дверь прозвучал не просто громко — он ударил прямо в висок, заставив Анну вскрикнуть и прижаться к стене. Звук был таким реальным, таким физическим, что казалось, будто кто-то ударил кулаком прямо ей в грудь.

— Анна Викторовна! Откройте! Полиция! Срочное дело!
— голос за дверью был грубым, чужим, лишённым всякого человеческого участия.

Слёзы навернулись на глаза. Страх парализовал ноги. «*Не открывай*», — звучало в голове слово Марка. Но как не открыть, когда говорят «полиция»? Как объяснить детям, почему мама прячется? Как защитить их, если у неё нет сил даже быстро бежать?

Дверь затряслась от нового удара. Дерево жалобно скрипнуло. Замок начал поддаваться.

— Мы знаем, что вы внутри! Открывайте немедленно, или мы взломаем!

Анна закрыла глаза, пытаясь вдохнуть, но воздух застрял в горле комом. Она чувствовала себя загнанным зверем. Боль в спине стала невыносимой, пульсировала в такт ударам в дверь. Её разум лихорадочно искал выход, но тело отказывалось слушаться.

И тут — новый звук. Скрежет металла, крик, глухой удар тела о стену. Дверь в прихожую распахнулась, и в проёме появился Марк.

Он выглядел страшно. Бледный, как полотно, с кровью, стекающей из разбитой губы, с расширенными от ужаса глазами. Но в этих глазах, когда они встретились с её взглядом, была не паника, а какая-то безумная, горячая решимость.

— Анна! — выкрикнул он, перекрикивая шум за своей спиной. Там, в темноте лестничной клетки, маячили тени. Двое. Или трое. Их лица были скрыты капюшонами, но в руках блеснуло что-то металлическое.

Марк сделал шаг вперёд, заслоня собой Анну своим телом. Он был живым щитом между ней и смертью.

— Беги! — рявкнул он, и в его голосе звучала

такая боль, такая любовь и отчаяние, что сердце Анны разорвалось на части. — Кухня! Окно! Лестница! Спасай детей! Я задержу их!

— Марк, нет! — закричала она, протягивая к нему руку, но он уже развернулся, встречая нападавших.

В этот момент время остановилось. Анна увидела, как тень заносит что-то тяжёлое над головой Марка. Увидела, как он, не оборачиваясь, делает последний шаг назад, толкая её в сторону коридора.

— БЕГИ, АННА! РАДИ БОГА, БЕГИ!

Его крик был последним, что она услышала перед тем, как мир рухнул в хаос звуков, боли и безумного страха. Романтическая сказка умерла здесь, в коридоре её собственной квартиры, уступив место чему-то древнему и жестокому. И теперь, хромая,

задыхаясь от боли и слёз, она должна была бежать. Не ради себя. Ради тех, кого любила больше жизни.

Глава 3. Лабиринт страха

Холодный воздух кухни ударил в лицо, словно пощёчина, отрезвляя и заставляя двигаться дальше, несмотря на крик каждой клетки тела. Анна споткнулась о порог, её нога, привыкшая к осторожности из-за больного колена, подкосилась, и она больно ударилась бедром о край стола. Боль вспыхнула яркой вспышкой, но страх был сильнее. Он заглушал всё: и травму позвоночника, и нытьё в суставах, и даже собственное дыхание, которое превратилось в хриплый, прерывистый свист.

«Дети», — эта мысль билась в висках ритмичным, паническим молотом. «Где дети?».

Она рванулась к двери в детскую, но тут же замерла. Голова из прихожей стали ближе. Тяжёлые шаги, грубые команды, звук ломающейся мебели. Марк... Где Марк? Последний образ его лица, искажённого болью и решимостью, стоял перед глазами как живое проклятие. Он остался там один против них. Один, чтобы дать ей шанс.

— Мама? — тихий, испуганный голос донёсся из комнаты старших детей. Дверь приоткрылась, и в щель выглянуло бледное лицо десятилетней Лизы. Рядом с ней, прижимая к груди плюшевую собаку, стоял семилетний Миша. Их глаза были широко раскрыты, полные слёз и непонимания того кошмара, который ворвался в их дом.

Анна почувствовала, как горло сжимает спазм. Как объяснить им? Как сказать, что папы нет рядом, что их жизнь только что разделилась на «до» и «после», что сейчас они должны бежать, не оглядываясь?

— Тихо, мои хорошие, тихо, — прошептала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. Она подошла к ним, опираясь на стену, и обняла обоих, прижимая к себе так сильно, как только могла, игнорируя прострелы в спине. — Нам нужно уйти. Прямо сейчас. Вы доверяете маме?

Лиза кивнула, глотая слёзы. Миша уткнулся лицом в её плечо, беззвучно всхлипывая.

— Мы идём через окно, — быстро объяснила Анна, ведя их к кухне. — Как в игре. Тихо-тихо, чтобы никто не заметил.

Она открыла окно. Холодный ветер ворвался внутрь, трепля шторы. Пожарная лестница снаружи казалась зловещей конструкцией из ржавого металла, уходящей в серую предрассветную мглу. Дождь снова начался, мелкий и колючий.

— Сначала ты, Лиза, — скомандовала Анна, помогая дочери перелезть через подоконник. — Осторожно, держись за перила. Миша, за сестрой. Я сразу за вами.

Дети послушно выползли наружу. Анна последовала за ними, чувствуя, как корсет впивается в рёбра, ограничивая движения. Каждый шаг давался с трудом. Боль в колене пульсировала, отдавая в поясницу. Она едва удерживала равновесие на скользких ступенях, цепляясь за холодный металл окоченевшими пальцами.

Внизу, в квартире, слышался новый звук — резкий, короткий выстрел. Затем тишина.

Слишком громкая, слишком страшная тишина.

— Мама! — пискнул Миша, оборачиваясь.

— Не смотри вниз! — резко одёрнула его Анна, толкая вперёд. — Быстрее!

Они спустились на первый этаж и выпрыгнули в узкий проход между домами, ведущий к заднему двору. Здесь было темно, пахло сыростью и мусором. Анна огляделась. Улица была пустой, но ей казалось, что за каждым углом, за каждым окном прячутся глаза, следящие за ними.

— Куда мы идём? — спросила Лиза, её голос дрожал.

— К бабушке, — соврала Анна. Бабушка жила в другом городе, и добраться туда сейчас было невозможно. Но детям нужно было верить во что-то. В какую-то точку

безопасности. — Мы пойдём коротким путём, через парк. Там никого нет.

Она взяла детей за руки и потянула их вперёд, хромая, но заставляя себя двигаться быстрее. Боль стала фоном, постоянным, назойливым шумом, который она научилась игнорировать ради единственной цели — спасти их.

Парк встретил их мрачными силуэтами деревьев, качающихся на ветру. Тени казались живыми, тянущими к ним руки. Анна крепче сжала детские ладони.

— Не отпускайте меня, — шептала она. — Ни на секунду.

Они пробирались между кустами, стараясь держаться в тени. Вдруг где-то неподалёку захлопнула дверь машины. Звук двигателя, работающего на холостых оборотах,

разрезал тишину ночи. Анна замерла, прижимая детей к себе. Сердце колотилось так сильно, что казалось, его слышно за квартал.

Из-за угла медленно выехала чёрная машина. Фарыхватили из темноты мокрый асфальт, лужи, отражающие свет как осколки зеркала. Машина двигалась медленно, будто кто-то искал кого-то. Или что-то.

— Сюда, — прошептала Анна, увлекая детей в густые заросли сирени. Они спрятались за стволами старых деревьев, затаив дыхание. Ветер дул им в спины, пробирая до костей, но они не смели пошевелиться.

Машина остановилась прямо у входа в парк. Дверь со стороны водителя открылась, и оттуда вышел человек. Высокий, в тёмной

куртке. Он закурил, и огонёк зажигалки на мгновение осветил его лицо. Анна узнала его. Это был один из тех, кто ломался в их квартиру. Тот самый, чей голос она слышала за дверью.

Он сделал несколько шагов в их сторону, останавливаясь, прислушиваясь. Анна чувствовала, как Миша начинает дрожать у неё под рукой. Она положила палец на губы, умоляя его молчать. Слёзы текли по её щекам, смешиваясь с дождём, но она не вытирала их. Страх парализовал, но инстинкт матери был сильнее.

Человек постоял ещё минуту, затем развернулся и пошёл обратно к машине. Дверь хлопнула, двигатель взревел, и машина скрылась за поворотом.

Анна выдохнула, чувствуя, как ноги

подкашиваются. Она опустилась на землю, увлекая детей за собой. Они сидели в грязи, под дождём, дрожа от холода и пережитого ужаса.

— Всё хорошо, — прошептала она, глядя их по головам.
— Мы в безопасности. Пока что.

Но она знала, что это ложь. Безопасности больше не существовало. Марк остался там, в её квартире. Возможно, уже мёртвый. А они теперь были одни против неизвестного врага, который знал их имена, их адрес и, судя по всему, знал о каждом их шаге.

Телефон Анны лежал в кармане куртки. Она достала его, надеясь увидеть сообщение от Марка, хоть какую-то весточку. Экран был чёрным. Батарея села. Или... или они отключили сеть?

— Мам, а папа придёт? — тихо спросил Миша, глядя на неё своими большими,

испуганными глазами.

Анна посмотрела на сына, потом на дочь. В их взглядах была такая безграничная вера в неё, что сердце сжалось от боли. Она не могла сказать правду. Не сейчас.

— Папа очень сильный, — сказала она тихо, собираясь с силами. — Он знает, что мы в безопасности. И он найдёт нас. Обязательно найдёт. А пока мы должны быть очень тихими и очень умными. Договорились?

Дети кивнули.

— Договорились.

Анна поднялась, помогая им встать. Боль в спине кричала, требуя покоя, но она заставила себя идти дальше. Им нужно было найти место, где можно перезвонить, где можно спрятаться хотя бы на пару часов. Она вспомнила старого друга мужа, который

жил в соседнем районе и никогда не задавал лишних вопросов. Возможно, он сможет помочь.

Они вышли из парка, держась самых тёмных переулков. Город вокруг казался чужим и враждебным. Каждое окно, каждая проезжающая машина вызывали приступ паники. Анна шла, опираясь на плечо Лизы, чувствуя, как силы покидают её. Корсет давил, рана ныла, но она продолжала двигаться. Шаг за шагом. Вперёд, в неизвестность.

Внезапно её взгляд упал на витрину ближайшего магазина. Внутри, за стеклом, отражались их фигуры: измождённая женщина в корсете, двое испуганных детей. И за их спинами, в отражении тёмного переулка, мелькнула тень. Кто-то шёл за ними.

Анна замерла. Тень тоже остановилась.

— Бежим, — прошипела она, хватая детей за руки. — Бе-
гом!

Они рванули вперёд, не разбирая дороги. Анна чувствовала, как боль пронзает тело, как дыхание перехватывает, но она не останавливалась. За спиной слышались быстрые шаги. Кто-то бежал за ними. Быстро, тяжело, неотвратно.

— Сюда! — крикнула она, сворачивая в узкий проезд между гаражами. Дети бежали рядом, спотыкаясь, плача, но не отставая. Шаги позади становились всё ближе. Анна понимала, что долго так продолжаться не может. Её тело предавало её.

Она увидела впереди открытую дверь старого сарая.

— Туда! — скомандовала она, заталкивая детей внутрь и захлопывая дверь за собой. Внутри было темно, пахло пылью и бензином. Они забились в угол, за какие-то старые ящики, затаив дыхание.

Шаги пробежали мимо. Дверь сарая скрипнула, когда кто-то попытался её открыть, но, видимо, она была заперта изнутри на старый засов, который Анна успела задвинуть в последнюю секунду.

— Чёрт, — раздался голос снаружи. Грубый, злой. — Они где-то здесь. Обыщите район.

Шаги удалились, но Анна знала: они не ушли далеко. Они ждут. Они будут ждать, пока она выйдет. Или пока у неё не останется сил.

Она обняла детей, чувствуя, как их маленькие тела сотрясаются от рыданий.

— Тише, мои родные, тише, — шептала она,

целуя их в макушки. — Мы справимся. Мы обязательно справимся.

Но в глубине души, там, где жил страх, она знала: это только начало. Марк исчез. Их дом захвачен. За ними охотятся. И у неё нет никого, кроме этих двух маленьких жизней, которые зависят только от неё. От её силы, от её ума, от её способности любить вопреки всему.

Дождь барабанил по крыше сарая, заглушая звуки города. Анна закрыла глаза, пытаясь собрать мысли в кучу. Что делать дальше? Куда идти? Кому верить? Вопросы роились в голове, не давая покоя. Но ответ был только один: двигаться. Не останавливаться. Жить. Ради детей. Ради Марка, который, возможно, ещё жив где-то там, в этой страшной ночи.

Она открыла глаза. Взгляд стал жёстким. Страх никуда не делся, но теперь он служил

топливом. Топливом для выживания.

— Послушайте меня, — тихо сказала она детям. — Сейчас мы будем очень тихими. Потом мы выберемся другим выходом. И пойдём к тёте Ирине. Понятно?

Дети кивнули, вытирая слёзы.

— Понятно.

Анна глубоко вдохнула, чувствуя запах пыли и собственной крови, прикусив губу до боли. Новая глава их жизни началась. Глава, в которой не было места слабости. Только борьба. Только любовь. И надежда, тонкая, как паутинка, но такая прочная, что способна выдержать любой шторм.

Они приготовились к новому рывку. В темноте сарая, среди теней прошлого и будущего, маленькая семья готовилась к войне. Войне за своё право на жизнь.

Глава 4. Цена чести

Холод сарая проникал сквозь одежду, заставляя зубы стучать в унисон с дождём, но Анна этого почти не замечала. Её разум, натренированный годами службы во ФСИН, начал медленно переключаться из режима «жертва» в режим «офицер». Инстинкт самосохранения боролся с профессиональной деформацией, и пока что профессионализм побеждал. Но цена этой победы была чудовищной.

Она сидела в темноте, прижав к себе дрожащих детей, и её мысли вернулись к Марку. К его испуганным глазам, к крови на губе, к его последнему крику: «Беги!». Он спас их. Он принял удар на себя. И теперь,

если он жив, его судьба висит на волоске. Не только от рук тех бандитов, что ворвались в квартиру, но и от системы, которой она служила верой и правдой пятнадцать лет.

«Сотрудник ФСИН не может иметь связей с преступным миром», — эта фраза из устава прозвучала в голове как приговор. Если Марк окажется замешан в чём-то незаконном, если следствие найдёт хоть крупицу компромата, связывающего её с ним, её карьера закончится мгновенно. Её вышвырнут со службы с «волчьим билетом», лишат звания, пенсии, репутации. Её имя будет втоптанно в грязь, а дети останутся с матерью-изгоем. В мире силовых структур нет места полутонам: либо ты чист, либо ты враг.

Но самое страшное было не в потере работы. Самое страшное было в том, что

если она сейчас ничего не предпримет, Марка могут просто «убрать» как свидетеля или, что хуже, подставить так, что он станет главным подозреваемым в нападении на семью сотрудника спецслужбы. А это означало пожизненное заключение или пулю в затылок в тюремной камере.

— Мама, мне холодно, — прошептал Миша, прерывая её размышления.

— Потерпи ещё немного, родной, — Анна крепче обняла его, чувствуя, как внутри неё закипает решимость. — Мы скоро выберемся.

Она посмотрела на часы. Стрелки замерли в безумии происходящего, но интуитивно она понимала: времени в обрез. Те люди, что искали их в парке, знают район. Они вернутся. Ей нужно было не просто спрятаться, ей нужно было действовать. Действовать как офицер, а не как

перепуганная женщина.

Первым делом нужно было понять, кто такие эти люди и чего они хотят. Нападение на квартиру сотрудника ФСИН — это не случайность. Это вызов. Или предупреждение. И если Марк был целью, значит, он знал что-то важное. Что-то, ради чего готовы были пойти на убийство семьи высокопоставленного офицера.

Анна достала из внутреннего кармана куртки свой личный телефон. Тот самый, который не был привязан к рабочему номеру и о котором знали только самые близкие. Экран вспыхнул тусклым светом, показывая 15% заряда. Слабо, но достаточно для одного звонка и короткого сообщения.

Она набрала номер человека, которому доверяла больше всех после мужа (которого

у неё не было уже пять лет) — майора Алексея Громова, своего бывшего сослуживца, ныне работающего в управлении собственной безопасности. Алексей был циником, но честным человеком. И главное — он никогда не задавал лишних вопросов, если речь шла о жизни коллеги.

Гудки шли долго. Каждый гудок казался выстрелом. Анна молилась, чтобы он взял трубку.

— Алло? — наконец раздался сонный, хриплый голос. — Кто это в такое время?

— Лёша, это Анна, — прошептала она, стараясь говорить тихо, но чётко. — У меня ЧП. Код красный.

На другом конце провода повисла тишина, а затем звук шаркающих тапочек и резкий вдох. Сон как рукой сняло.

— Анна? Ты где? Что случилось? Голос у

тебя...

— Нет времени объяснять по телефону. Меня атаковали. Дом взломан. Дети со мной. Марк... Марк остался там. Я думаю, его похитили или убили.

— Марк? Тот самый, с которым ты... — Громов осёкся, понимая деликатность ситуации. Он знал о её отношениях, хотя официально они никуда не заявлены. Для системы это уже было серой зоной.

— Именно он, — отрезала Анна. — Лёша, послушай меня внимательно. Это не бытовуха. Там работали профи. Они искали что-то конкретное. И они знают, кто я. Если я появлюсь официально, меня сразу же отстранят от дела по статье о связи с криминалом. Ты понимаешь, о чём я? Меня выкинут со службы, и я потеряю возможность помочь ему.

— Понимаю, — голос Громова стал жёстким. — Что тебе нужно?

— Мне нужно время и информация. Официально я сейчас «пропавшая без вести» или «скрывающаяся». Не объявляй меня в розыск, не поднимай тревогу в нашем управлении. Дай мне 24 часа. За это время я должна найти доказательства того, что Марк чист. Что он жертва, а не соучастник.

— Анна, ты с ума сошла? — Громов говорил тихо, но в его голосе звучала тревога. — Если тебя поймут без ордеров, без поддержки... тебя же раздавят. Начальство спишет всё на твою нестабильность после травмы. «Волчий билет» гарантирован, даже если ты выживешь.

— Я знаю риски, Лёша, — голос Анны дрогнул, но тут же снова стал стальным. — Но если я ничего не сделаю, Марк умрёт. А я не могу этого допустить. Он спас моих детей. Он заслуживает шанса. Я должна отбелить его имя, прежде чем система его съест.

Пауза затянулась. Анна слышала, как Громов

ходит по комнате, наверное, протирая лицо руками.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Я дам тебе фору. Официально я зарегистрирую заявление о взломе твоей квартиры, но без указания твоих данных. Скажу, что анонимный звонок. По Марку я пробую его связи через свои каналы, но неофициально. Если найду что-то подозрительное — сразу скажу. Но Анна... если ты попадешься, я ничем не смогу тебе помочь. Ты это понимаешь?

— Понимаю, — кивнула она, хотя он этого не видел. — Спасибо, Лёша. Ты мой единственный шанс.

— Где ты сейчас?

— Пока в безопасности. Но надолго меня не хватит. Мне нужно найти улики. Те люди что-то искали в квартире. Может, они что-то подбросили Марку? Или он что-то спрятал?

— Будь осторожна, Анна. Эти люди... если они пошли на такое, они не остановятся ни

перед чем. И помни: теперь ты не офицер. Ты частное лицо. У тебя нет полномочий, нет защиты. Только твой ум и твоя удача.

— Я знаю, — ответила она. — Конец связи.

Она отключила телефон и положила его обратно в карман, словно горячую угольину. Теперь путь назад был отрезан. Она сознательно пошла против устава, против присяги, против всей своей карьеры. Ради человека, которого любила. Ради справедливости, которую система могла не увидеть.

— Мама, куда мы идём? — спросила Лиза, выглядывая из-за ящиков.

— Нам нужно вернуться, — тихо сказала Анна.

Дети испуганно переглянулись.

— Туда? К плохим дядям? — пискнул Миша.

— Нет, милый. Не прямо туда. Нам нужно попасть в квартиру соседей, через балкон.

Оттуда мы сможем проникнуть в нашу квартиру с другой стороны.

— Зачем? — в голосе Лизы звучал ужас.

— Потому что там есть кое-что, что может спасти папу Марка, — объяснила Анна, стараясь говорить мягко. — И если мы это не найдём, его могут посадить в тюрьму навсегда. Или хуже. Вы хотите, чтобы папа Марк был в тюрьме?

Дети быстро замотали головами.

— Нет!

— Тогда нам нужно быть очень смелыми. Как супергерои. Мы прокрадёмся, возьмём то, что нужно, и уйдём. Договорились?

— Договорились, — хором ответили они, хотя в глазах всё ещё стоял страх.

Анна проверила засов двери сарая. Снаружи было тихо. Дождь немного стих, превратившись в морось. Она выглянула в щель. Переулок был пуст. Но она знала: они

где-то рядом. Возможно, наблюдают из машины за углом.

Она вышла первой, помогая детям выбраться из грязи. Боль в спине снова напомнила о себе, резкая и требовательная, но она стиснула зубы. Сейчас не время думать о боли. Сейчас время действовать.

Они двинулись вдоль заборов, держась в тени. Анна чувствовала себя иначе, чем час назад. Тогда она была матерью, спасающей детей. Теперь она была офицером, ведущим собственное расследование. Две её ипостаси слились в одну цель: спасти Марка и свою семью.

Подходя к своему дому, они увидели, что подъезд оцеплен. Жёлтая лента милиции развевалась на ветру, несколько машин с мигалками стояли у входа. Люди в форме ходили туда-сюда, что-то обсуждали.

Официальное расследование началось. И если они сейчас войдут в подъезд, их сразу же задержат. Анну допросят, детей отправят в органы опеки, а дело Марка закроют как «очевидное».

— Другой вход, — прошептала Анна. — Через подвал.

Она знала этот дом как свои пять пальцев. Старый фонд, множество лазеек, о которых знали только местные жители. Они обошли дом сзади, нашли открытое окно подвала (кто-то из жильцов забыл закрыть) и проникли внутрь.

В подвале пахло сыростью и плесенью. Темнота была абсолютной, но Анна шла уверенно, ведя детей за руку. Они поднялись по лестнице на первый этаж, к квартире соседей — пожилой пары, которые сейчас, скорее всего, спали или были эвакуированы из-за шума.

Балкон соседской квартиры примыкал к балкону Анны. Раздвижная дверь была закрыта, но замок на ней был старым и ненадёжным. Анна достала из кармана маленькую отмычку — привычный инструмент для бывшей сотрудницы ФСИН, которая иногда использовала его в служебных целях, но теперь он стал ключом к спасению.

Щелчок. Дверь поддалась.

Они вышли на балкон. Холодный ветер ударил в лица. Соседний балкон был отделён от их собственного тонкой перегородкой. Анна заглянула в свою квартиру через стеклянную дверь.

Внутри горел свет. Следственная бригада работала вовсю. Люди в белых халатах что-то собирали, фотографировали. В центре комнаты стоял следователь, что-то диктуя в диктофон.

Анна прижалась к стеклу, стараясь не дышать. Её сердце колотилось. Она искала глазами Марка. Его нигде не было. Значит, его увезли. Или спрятали.

Её взгляд упал на книжную полку в гостиной. Та самая полка, где Марк вчера оставил свою книгу. Но сейчас между книгами виднелся странный предмет. Маленькая флешка, чёрная, почти незаметная. Она не принадлежала ни Анне, ни детям.

«Они что-то искали», — вспомнились слова Громова.

Марк мог спрятать её там. Или те люди могли подбросить её, чтобы подставить его. В любом случае, эта флешка была ключом. Если на ней компромат на Марка — его конец. Если доказательства невиновности или имена заказчиков — это их единственный шанс.

— Мама, страшно, — прошептал Миша.

— Тише, — Анна положила палец на губы. — Смотрите на меня. Никто нас не видит. Мы сделаем это быстро.

Она осторожно открыла балконную дверь, стараясь не скрипеть петлями. Внутри квартиры было шумно из-за голосов следователей, что играло ей на руку. Она скользнула в комнату, пригибаясь за спинкой дивана. Дети остались на балконе, спрятавшись за шторой.

Анна двигалась бесшумно, используя навыки, которые оттачивала годами. Она знала, где скрипят половицы, где лучше ступить. Её цель — книжная полка.

Она была уже в двух шагах от неё, когда один из экспертов повернулся в её сторону.

— Эй, кто здесь? — крикнул он.

Анна не стала медлить. Она рванулась к полке, схватила флешку и нырнула за тяжёлый шкаф, стоящий рядом.

— Там кто-то был! — закричал эксперт. — В гостиной!

— Стоять! Полиция! — раздался голос следователя, и топот ног понёсся к шкафу.

Анна понимала: выхода нет. Её загнали в угол. Но в руке она сжимала маленькую чёрную флешку. Единственную надежду.

Она огляделась. Окно в гостиной выходило на пожарную лестницу, ту самую, по которой они должны были бежать утром. Но сейчас там, внизу, стояла машина оперативников.

Единственный вариант — прыгнуть.

Она разбежалась, игнорируя боль в колене и спине, и выпрыгнула в окно. Стекло разлетелось с громким звоном, привлекая всеобщее внимание.

— Она прыгнула! Держите её! — заорали снизу.

Анна приземлилась на металлическую

площадку лестницы, едва удержав равновесие. Ноги подкосились, но она заставила себя бежать вниз, перепрыгивая через пролёты. Крики позади становились всё громче. Фонари выхватывали её фигуру в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.